

УДК 17

DOI: 10.17223/1998863X/47/7

А.В. Прокофьев

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ МОРАЛИ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ¹

В статье проанализированы три подхода к соотношению объективности и универсальности моральных требований и оценок: 1) объективность и универсальность независимы друг от друга; 2) универсальность является дополнительным свойством объективных требований и оценок; 3) объективность и универсальность выступают как две параллельных характеристики одного и того же свойства морали.

Ключевые слова: этика, мораль, объективность морали, универсальность морали.

Одна из центральных задач этики как исследовательской дисциплины – создание корректной теоретической модели морали, отражающей формально-функциональные и нормативно-содержательные характеристики этого явления. Если со стороны содержания мораль можно охарактеризовать как систему ценностей и вытекающих из них требований, ориентирующих деятельность людей на благо Другого (отдельного индивида, общества, человечества), то ее формально-функциональная сторона определяется теми способами, которыми эти ценности и требования предъявлены деятелям, и теми механизмами, которые обеспечивают реализацию нормативного содержания. Выявляя формально-функциональные свойства морали, теоретики пытаются установить: 1) характер императивной силы моральных требований; 2) область их действия, значимость моральных требований по сравнению с требованиями другого рода; 3) специфику моральных санкций; 4) круг субъектов, уполномоченных выносить моральные оценки. В ходе обсуждения двух первых пунктов этическая теория активно использует такие понятия, как «универсальность» и «объективность». В некоторых случаях они применяются параллельно, в других – теоретики выстраивают свое рассуждение о морали, опираясь на одно из них. В этой связи возникает несколько взаимосвязанных вопросов. Что такое объективность и универсальность? Правомерно ли использование этих понятий в отношении моральных требований? Если правомерно, то как эти понятия связаны между собой? Отражают ли они одно свойство морали или разные ее свойства? В данной статье я попытаюсь предложить некоторые предварительные ответы на них.

Объективность

Проблема объективности моральных требований и опирающихся на них оценочных суждений обсуждается как обособленная проблема этической теории начиная с поздних работ Джорджа Мура [1. С. 252–290, 341–346], хо-

¹ Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00068. The paper has been developed within a project research «The Phenomenon of Moral Universality», supported by the Russian Science Foundation, project № 18-18-00068.

тя имплицитно присутствовала в этике постоянно. В настоящий момент она играет существенную роль в метаэтических исследованиях (см., например: [2–5]). При определенном расхождении в дефинициях теории подразумевают под объективностью несводимость моральных оценок к одобрению / неодобрению тех или иных действий, мотивов или черт характера со стороны отдельных индивидов, обладающих уникальными психическими характеристиками и уникальным жизненным нарративом, или со стороны групп людей, имеющих те или иные уникальные культурные особенности. Человек, выносящий моральные оценки, т.е. оценки, в которых используются такие понятия, как «справедливо» / «несправедливо», «гуманно» / «жесток», «достойно» / «недостойно» и т.д., рассматривает свои утверждения не как выражение собственных индивидуальных предпочтений или общепринятых ценностно-нормативных убеждений, а как *верную* характеристику оцениваемых явлений в свете *верного* нормативного стандарта. Расходящиеся с его оценкой утверждения он воспринимает как ошибочные. Конечно, он может допускать, что по каким-либо причинам его собственная моральная оценка окажется ошибочной. Но даже в этом случае он исходит из того, что верная моральная квалификация данного поступка (мотива, черты характера) существует и что она только одна. Два человека, один из которых утверждает допустимость действия, а другой – его недопустимость, не могут быть правы одновременно, так же как они не могут быть и одновременно неправы.

Даже признавая тот факт, что его моральные оценки зависят от наследственности, ранней социализации, особенностей культурной среды, выносящий моральные суждения индивид не может принять тезис, что эти обстоятельства всецело предопределяют его мнение о моральном качестве того или иного поступка. Он не может согласиться с тем, что если бы эти обстоятельства были иными и породили иную оценку, то эта иная оценка тоже была бы верной. Схожая установка воспроизводится по отношению к тем моральным оценкам, которые выносят другие люди. Представим себе ситуацию, в которой кто-то причиняет страдание другому человеку ради развлечения и не видит в этом ничего предосудительного. Это обращение с ближним вызывает у наблюдателей неодобрение, выраженное с помощью морально значимых терминов, – квалифицируется ими как жестокость. Наблюдатели знают о том, что специфика психики мучителя и условия его социализации создавали предпосылки как для такого поведения, так и для уверенности мучителя в том, что его поведение не является предосудительным. Информация об этом может уменьшить степень возмущения поступком, но она не создает оснований для вывода о том, что причинение страданий в данном конкретном случае является правильным или морально безразличным. Если мы представим также, что подобное отношение к другому человеку глубоко укоренено в традициях какого-либо общества и не оценивается в нем негативно, то и это никак не изменит ситуацию. Тот, кто считает причинение страданий ради развлечения жестокостью (то ли потому, что он принадлежит к другому обществу, то ли потому, что он пережил своего рода «нравоперемену»), даже оставаясь в абсолютном меньшинстве, будет утверждать, что общество в целом ошибается. Джон Мэки зафиксировал данное положение дел в виде следующих формулировок: «Находясь в состоянии нравственного затруднения,

[человек]... хочет знать, действительно ли какой-то поступок в этой ситуации плох или хорош, правилен или неправилен... Предположение о существовании объективных ценностей... инкорпорировано в базовое, конвенциональное значение моральных понятий... Претензия на объективность... запечатлена в нашем языке и в нашей мысли» [6. Р. 33–35].

Тезис об объективности моральных требований и суждений подвергается критике на основе двух аргументов. Первый ставит под вопрос его феноменологическую или психологическую обоснованность. К примеру, Марк Тиммонс и Терри Хорган, опираясь на феноменологический метод, полагают, что простейшей формой морального опыта является непосредственное переживание обязанности, которое включает в себя ощущение приложенной к деятелю внешней силы, создающей напряжение и «мотивационную тягу». Какие-то явные следы объективности морали, по их мнению, в этом опыте отсутствуют [7. Р. 296–297]. Однако вне зависимости от того, правы ли Тиммонс и Хорган в отношении непосредственного переживания обязанности, они вряд ли правы в отношении морального опыта в целом. Ведь они не анализируют более сложные состояния сознания, связанные с ситуациями моральных разногласий. Вместе с тем именно моральные разногласия, начиная с Мура, являются ключевым предметом обсуждения для философов, решающих проблему объективности морали [1. С. 262, 342; 8. Р. 41]. Психологи, утверждающие, что претензия на объективность свойственна моральным суждениям, также опираются на исследование реакции респондентов на случаи несовпадения моральных оценок: подавляющее большинство участников экспериментов воспринимает одну из сторон морального разногласия в качестве совершающей ошибку [9. Р. 169–170].

Второй аргумент связан с тем, что претензия на объективность, присутствующая в моральных суждениях, может оказаться неоправданной. Именно такой была позиция Мэки, утверждавшего, что «моральные понятия обычного человека» являются «странными», т.е. онтологически и эпистемологически несостоятельными [6. Р. 38–41]. Этой позиции успешно противостоит известное рассуждение Рональда Дворкина, обратившего внимание на слишком высокую цену, которую должно было бы заплатить живое моральное сознание в случае согласия с аргументом от «странности». Неизбежной альтернативой признания способности людей обнаруживать нечто объективное в мире ценностей и норм является потеря возможности иметь твердые моральные убеждения и вести аргументированные нормативные дискуссии (приняв логику Мэки, мы вынуждены будем согласиться с тем, что «не существует моральных возражений против уничтожения этнических групп, порабощения рас или пытки маленького ребенка ради развлечения и на глазах его связанной матери») [10. Р. 117–118]. Некоторые современные метаэтики пытаются показать, что дилемма Дворкина не совсем корректна. Однако возникающее в итоге их критики представление о статусе моральных суждений и требований не отличается радикально от классического понимания объективности морали. Требования, составляющие ядро морали, сохраняют у критиков Дворкина свою независимость от всех или от подавляющего большинства проявлений индивидуальной и культурной специфики в сфере ценностей [11, 12].

Универсальность

Наиболее удачную теоретическую репрезентацию такой характеристики морали, как универсальность, можно обнаружить в работах Ричарда Хэара. По его мнению, требование является универсальным, если оно ориентировано на универсальные свойства ситуации, в которой может быть совершено действие. Универсальным свойством ситуации, в свою очередь, следует считать то, в описании которого не упоминаются задействованные в ней индивиды [13. Р. 23]. И тот, кто совершает поступок (деятель), и тот, чьи интересы затронуты этим поступком (реципиент действия), в рамках универсального требования выступают в качестве своего рода переменных величин. Отсюда следует, что универсальное требование адресовано всем тем, кто попадает под описание обязанного совершить действие лица. В литературе эту особенность универсальных требований подчас называют общеадресованностью [14. С. 87]. Другое следствие универсальности требования состоит в том, что исполняющий требование человек не проявляет пристрастного отношения ни к кому из тех, кто попадает под описание реципиента требуемого действия. Реальная или воображаемая смена реципиентов не должна приводить к изменению характера поступка. Эту особенность универсальных требований обычно называют беспристрастностью [Там же]. В свете универсального требования перед деятелем неизбежно возникает перспектива мысленного обмена местами с реципиентом. Раз деятель и реципиент определяются значимыми для данного требования универсальными свойствами ситуации, то при тех или иных условиях деятель может оказаться в положении реципиента, и ему следует принимать во внимание это обстоятельство, совершая выбор между альтернативными линиями поведения. На уровне отдельных оценок и решений универсальность требований преобразуется в универсализуемость суждений. Тот, кто осуждает какое-либо действие, применяя моральную лексику (понятия «несправедливость», «жестокость», «подлость» и т.д.), берет на себя обязательство воспроизводить эту оценку во всех подобных ситуациях вне зависимости от того, какие индивиды попадают под описание деятеля и реципиента и как это наполнение нормативных переменных затрагивает интересы выносящего оценку человека.

Проблема соотношения

Существуют три подхода к вопросу о соотношении объективности и универсальности морали, получивших более или менее проработанное выражение в современной этической теории. В рамках первого из них объективность и универсальность моральных требований и суждений выступают в качестве самостоятельных, независимых друга от друга признаков. Это значит, что есть принципиальная возможность занимать объективистскую позицию, но не быть универсалистом, и наоборот, быть универсалистом, но отрицать при этом объективный характер моральных требований и суждений. Джеффри Гудвин и Джон Дарли формулируют позицию следующим образом: «Субъективизм утверждает нечто по поводу условий верности моральных требований, в то время как релятивизм утверждает нечто по поводу области их применения: для кого они верны, а не что делает их верными. Соответственно, можно быть объективистом и релятивистом одновременно,

говоря, что правильное для индивида А отличается от правильного для индивида Б и что это верно вне зависимости от субъективного отношения А и Б к данному вопросу. В этом случае область действия какого-то утверждения о том, что является морально правильным, будет относительной, поскольку это утверждение не относится ко всем людям, но условие его верности оказывается объективным» [9. Р. 164]. Равным образом они полагают, что универсализм совместим с субъективизмом. Утверждая зависимость суждений о правильности от субъективных психологических факторов, кто-то может считать, что существует «лежащее в основе этих суждений совпадение психических состояний... и значит, моральные требования применяются универсально» [Ibidem].

В обоснованности этого подхода есть серьезные сомнения. Прежде всего, сомнительна аргументация в пользу существования объективистов, которые не признают универсальности моральных суждений. Она опирается на некорректное понимание универсальности. Универсальность требования определяется не тем, что оно относится ко всем людям, а тем, что на его основе можно выделить группу людей, которым оно равным образом адресовано. Эта группа может быть более или менее широкой, но совсем не обязательно охватывается формулировкой «все люди». Соответственно, Гудвин и Дарли обсуждают не объективиста, который не признает универсальность требований, а всего лишь объективиста, который допускает, что моральные требования могут иметь разную степень общности. При этом, признавая обоснованными требования меньшей степени общности (т.е. те, которые относятся «не ко всем людям»), он остается универсалистом.

Не меньше сомнений вызывает аргументация в пользу существования субъективистов, которые воспринимают моральные требования как универсальные. Она допускает смешение двух других характеристик нормативных требований: «универсальности» и «общераспространенности». Первая является эмпирическим фактом, относящимся к сфере коллективной психологии и нуждающимся в подтверждении со стороны нейтрального исследователя, вторая – свойством ценностно-нормативных убеждений деятеля, которое может быть обосновано лишь с помощью неэмпирических рациональных аргументов. Понятие «универсальность» указывает не на то, что какое-то требование *поддерживается* определенной группой людей или всеми людьми, а на то, что оно, с точки зрения какого-то индивида, *обладает императивной силой* в отношении всей этой группы или же всех людей. Имеется ли у всех членов группы или у всех представителей человеческого рода психологическая основа для признания требования распространяющимся на них, в этом случае не важно. «Субъективист-универсалист» Гудвина и Дарли, пытающийся обнаружить совпадение психических состояний всех без исключения людей, которое приводит к итоговому совпадению их моральных убеждений, обсуждает «общераспространенность», а не «универсальность» и поэтому просто не является универсалистом.

Второй подход отрицает независимость универсальности от объективности. Он предполагает, что универсальность представляет собой свойство, которым обладают лишь те требования и оценочные суждения, которые являются объективными. В отличие от представителей первого подхода сторонники второго считают невозможным существование такой фигуры, как

«субъективист-универсалист», понимая, что тот неизбежно будет подменять универсальность общераспространенностью. Однако отрицание объективистом универсальности моральных требований они рассматривают как позицию, не имеющую неразрешимых внутренних противоречий. С точки зрения Дворкина, мы сталкиваемся с ней тогда, когда кто-то, считает, что определенная оценка зависит не от чьих-то реакций на действие или ситуацию, а от характеристик самого действия или ситуации, но при этом уверен, что для членов обществ, имеющих принципиально иное понимание ключевых моральных концептов, эта оценка будет неверна [10. Р. 98–99].

Рассуждение Дворкина подпадает под тот же критический аргумент, что и тезис Гудвина и Дарли о непротиворечивости позиции «объективиста-релятивиста». Исключение представителей какой-то культуры из числа людей, осуждаемых за участие в объективно неправильной, предосудительной практике, совсем не обязательно является признаком отрицания универсальности моральных требований. Универсальные требования очерчивают круг лиц, которым вменено требование, и люди, естественно, могут оставаться за пределами этого круга. В приведенном Дворкином примере за пределами круга остается группа, состоящая из членов тех сообществ, которые исторически не развили в себе те или иные ценностно-нормативные представления. Это не значит, что такое исключение обосновано. Но оно вполне совместимо с универсальностью требования. Вполне возможно, что оно противоречит задаваемому моралью уровню общности требований: очерченный круг имеющих обязанность людей оказывается слишком узким. Но это будет уже другая теоретическая проблема.

Остается возможность предположить, что Гудвин с Дарли и Дворкин дали неточные описания и привели неудачные примеры неуниверсального объективизма, такие, в которых универсальность все же присутствует, хотя и не выражена отчетливо. Тогда можно попытаться исправить их недочеты и сформулировать заведомо неуниверсальное, но при этом объективное требование. Неуниверсальное требование должно содержать прямые указания на индивидов. Скажем, «Иван Иванов обязан помочь Петру Петрову» или «Иван Иванов обязан уничтожить Петра Петрова». Представляется, что и в этом случае разделить объективность и универсальность не удастся. Неуниверсальное требование просто невозможно превратить в объективное. Объективность морального требования предполагает, что оно верно для каждого человека независимо от того, какое мнение о его верности или неверности имеют конкретные люди. Но если требование является «верным для каждого», то, значит, оно опирается на аргументы, которые могли бы убедить в его правильности всех людей или хотя бы тех, чье мнение формируется на основе применения разума. Приведенные выше требования сами по себе не могут получить поддержку со стороны такой аргументации, поскольку она с необходимостью оперирует классами и свойствами индивидов, подводит индивидов под определенные классы на основе их свойств. Рациональное обоснование требования неизбежно заставляет вести речь о группах деятелей, в отношении которых проявляет себя общеадресованность, и группах реципиентов, в отношении которых реализуется беспристрастность. Другими словами, необходимая для признания требования объективной аргументация может действовать только на фоне признания его универсальным. В этом случае

универсальность является своего рода аспектом или измерением объективности или наоборот.

Такое понимание их соотношения также встречается в исследовательской литературе. Например, оно характерно для Николаса Решера, который в специальной работе об объективности морали при переходе к анализу межкультурной проблематики просто заменяет понятие «объективный» понятием «универсальный» [15. Р. 402–406]. Это, конечно, не идеальный отклик на обсуждаемую проблему. Ведь в одном отношении Решер явно сужает смысл понятия «универсальность». Разнообразие нормативных убеждений, устойчивость по отношению к которому проявляют универсальные требования, носит не только историко-культурный характер. В другом отношении он, напротив, неоправданно расширяет смысл этого термина, поскольку не проводит отчетливого различия между универсальностью и общностью. Кроме того, он не задается вопросом о том, по какой причине в некоторых контекстах уместна замена понятия «объективность» понятием «универсальность». Однако общее направление мысли, заданное нерелексивным отождествлением объективности и универсальности морали у Решера, является правильным.

Как было показано выше, уверенность морального деятеля в том, что требование, являющееся основой его оценок, распространяется на группу обладающих определенными свойствами людей, имеет смысл только в том случае, если деятель считает это требование верным. С другой стороны, уверенность деятеля в том, что его оценка какого-либо поступка *верна*, поскольку она опирается на *правильную* ситуативную интерпретацию *верного* морального требования, может присутствовать только там, где речь идет о требованиях, которые обращены к более или менее широким группам людей. Соответственно, можно утверждать, что моральные ценности и нормы обладают таким комплексным свойством, как быть (или считаться) верными, обладая императивной силой в отношении определенного круга деятелей и порождая беспристрастное отношение к определенному кругу реципиентов. Когда мы обсуждаем сферу действия морального требования, уместно применять понятие «универсальность», понимая при этом, что признание требования верным подразумевается по умолчанию. Когда мы обсуждаем характер императивной силы требования, наш исследовательский интерес находит более точное выражение в термине «объективность», хотя и общеадресованность, и беспристрастность этого требования должны автоматически учитываться при исследовании оснований обязательности его исполнения.

Литература

1. Мур Дж.Э. Природа моральной философии. М. : Политиздат, 1999. 352 с.
2. Максимов Л.В. Этический объективизм: основные концепции и подходы // Этическая мысль: ежегодник. М., 2001. Вып 1. С. 132–148.
3. *Morality and Objectivity: A Tribute to J.L. Mackie* / Ed. by T. Honderich. Abingdon : Routledge, 1985. 228 p.
4. *Objectivity in Law and Morals* / Ed. by B. Leiter. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 354 p.
5. *Does Anything Really Matter? Essays on Parfit on Objectivity* / Ed. by P. Singer. Oxford : Oxford University Press, 2017. 300 p.
6. *Mackie J.L. Ethics: Inventing Right and Wrong*. London: Penguin Books, 1990. 256 p.

7. Horgan T., Timmons M. What Does Moral Phenomenology Tell Us about Moral Objectivity? // *Social Philosophy & Policy*. 2008. Vol. 25, № 1. P. 267–300.
8. Enoch D. *Taking Morality Seriously: A Defense of Robust Realism*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 295 p.
9. Goodwin G.P., Darley J.M. The Perceived Objectivity of Ethical Beliefs: Psychological Findings and Implications for Public Policy // *Review of Philosophy and Psychology*. 2010. Vol. 1, № 2. P. 161–188.
10. Dworkin R. Objectivity and Truth: You'd Better Believe It // *Philosophy & Public Affairs*. 1996. Vol. 25. P. 87–139.
11. Street S. Objectivity and Truth: You'd Better Rethink It // *Oxford Studies in Metaethics*. 2016. Vol. 11. P. 293–335.
12. Hopster J. Two Accounts of Moral Objectivity: from Attitude-Independence to Standpoint-Invariance // *Ethical Theory and Moral Practice*. 2017. Vol. 20, № 4. P. 763–780.
13. Hare R.M. *Sorting out Ethics*. Oxford: Clarendon Press, 1997. 191 p.
14. Апресян П.Г. Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // *Вопросы философии*. 2016. № 8. С. 79–88.
15. Rescher N. Moral Objectivity // *Social Philosophy & Policy*. 2008. Vol. 25, № 1. P. 393–409.

Andrey V. Prokofyev, Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russian Federation).

E-mail: avprok2006@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 70–78.

DOI: 10.17223/1998863X/47/7

MORAL OBJECTIVITY AND MORAL UNIVERSALITY: THE PROBLEM OF CORRELATION

Keywords: ethics; morality; moral objectivity; moral universality.

Objectivity and universality of moral requirements and moral judgments are the central formal and functional features of morality. Moral objectivity means that moral judgments are not reducible to approval or disapproval of actions by particular individuals or particular cultural groups. Those who use the moral vocabulary for judging actions consider their claims not as mere expressions of their preferences or mere expressions of beliefs commonly held in their communities, but as correct (right) evaluations made on the basis of correct (right) requirements. The phenomenology of moral experience and empirical moral psychology support the thesis that moral requirements and judgments are generally regarded to be objective. Moral philosophy, in its turn, has some compelling reasons to approve this pretension because the recognition of moral objectivity makes it possible to hold strong moral beliefs and to sustain productive discussions on moral matters. Universality of a moral requirement means that it relies upon such a description of a morally significant situation that does not mention any particular individual. A universal requirement establishes a circle of actors obliged to do something, and a circle of recipients who should be treated impartially. The contemporary ethical theory puts forward three approaches to the problem of the correlation between moral objectivity and universality. The first insists on their mutual independence and the possibility of two positions: relativistic objectivism and universalistic subjectivism. The second approach denies the independence of universality, and transforms it into an additional property of some objective requirements and judgments. Thus, relativistic objectivism remains possible, while universalistic subjectivism does not. For supporters of the third approach, objectivity and universality are two inseparable sides of the same feature of morality. The author argues for the third approach. He shows that (a) universalistic subjectivism is possible only if universality proper is substituted by general acceptance and (b) relativistic objectivism is possible only if universality proper is substituted by a high level of generality. Then the author adds one more argument for the third approach: objective requirements should be rationally justified, and we can rationally justify only universal requirements.

References

1. Moore, J.J. (1999) *Priroda moral'noy filosofii* [The Nature of Moral Philosophy]. Translated from English by L.V. Kononov. Moscow: Politizdat.
2. Maksimov, L.V. (2001) *Eticheskiy ob'ektivizm: osnovnye kontseptsii i podkhody* [Ethical Objectivism: Basic Concepts and Approaches]. *Eticheskaya mysl' – Ethical Thought*. 1. pp. 132–148.
3. Honderich, T. (1985) *Morality and Objectivity: A Tribute to J. L. Mackie*. Abingdon: Routledge.

4. Leiter, B. (2001) *Objectivity in Law and Morals*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Singer, P. (2017) *Does Anything Really Matter? Essays on Parfit on Objectivity*. Oxford: Oxford University Press.
6. Mackie, J.L. (1990) *Ethics: Inventing Right and Wrong*. London: Penguin Books.
7. Horgan, T. & Timmons, M. (2008) What Does Moral Phenomenology Tell Us about Moral Objectivity? *Social Philosophy & Policy*. 25(1). pp. 267–300. DOI: 10.1017/S0265052508080102
8. Enoch, D. (2011) *Taking Morality Seriously: A Defense of Robust Realism*. Oxford: Oxford University Press.
9. Goodwin, G.P. & Darley, J.M. (2010) The Perceived Objectivity of Ethical Beliefs: Psychological Findings and Implications for Public Policy. *Review of Philosophy and Psychology*. 1(2). pp. 161–188. DOI: 10.1016/j.jesp.2011.08.006
10. Dworkin, R. (1996) Objectivity and Truth: You'd Better Believe It. *Philosophy & Public Affairs*. 25. pp. 87–139. DOI: 10.1111/j.1088-4963.1996.tb00036.x
11. Street, S. (2016) Objectivity and Truth: You'd Better Rethink It. *Oxford Studies in Metaethics*. 11. pp. 293–335.
12. Hopster, J. (2017) Two Accounts of Moral Objectivity: from Attitude-Independence to Standpoint-Invariance. *Ethical Theory and Moral Practice*. 20(4). pp. 763–780. DOI: 10.1007/s10677-017-9796-z
13. Hare, R.M. (1997) *Sorting out Ethics*. Oxford: Clarendon Press.
14. Apresyan, R.G. (2016) Fenomen universal'nosti v etike: formy kontseptualizatsii [The phenomenon of universality in ethics: forms of conceptualization]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 79–88.
15. Rescher, N. (2008) Moral Objectivity. *Social Philosophy & Policy*. 25(1). pp. 393–409.